

Научная статья

УДК 821.161.1.09“17”

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9662



**«Вышею пылали вы любовью...»:
о христианской семантике стихотворения
А. А. Фета «Севастопольское братское кладбище»**

Л. И. Черемисинова

Саратовский государственный университет

имени Н. Г. Чернышевского

(г. Саратов, Российская Федерация)

e-mail: larisa.cheremisinova@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ стихотворения А. А. Фета «Севастопольское братское кладбище», рассмотрен историко-литературный и биографический контекст данного произведения. Создание произведения связано с путешествием Фета в Крым в сентябре 1879 года и с посещением Севастопольского братского кладбища. Крымские впечатления впервые были выражены в прозаическом творчестве Фета, в статье «Фамусов и Молчалин. Кое-что о нашем дворянстве» (1885). В работе над книгой мемуаров «Мои воспоминания» (1887–1889) крымские впечатления поэта «оживились» и обрели поэтическое воплощение в стихотворении «Севастопольское братское кладбище», датированном 4 июня 1887 г. и впервые опубликованном в составе третьего выпуска «Вечерних огней». Стихотворение занимает особое положение в лирике Фета благодаря высокому гражданскому пафосу, патристическому звучанию, выражению Евангельской проповеди о любви и всепобеждающей вере в то, что у Бога нет мертвых. В лирическом произведении Фета создан идеальный облик защитника отечества, прославлен подвиг русского оружия. Центральный мотив стихотворения «Севастопольское братское кладбище» — мотив смерти, однако смерть в данном произведении вовсе не небытие и не ничтожество (как в стихотворениях «Ничтожество», «Смерти», «Никогда»), а жизнь в вечности. Самый важный в смысловом отношении стих акцентирован ритмическими и синтаксическими средствами и напрямую связан с христианским пониманием высшей любви, которая проявляется в готовности отдать жизнь свою за други своя.

Ключевые слова: Фет, лирическое стихотворение, «Севастопольское братское кладбище», Крымская война, впечатление, воспоминание, мотив, смерть, патриотизм, «высшая любовь»

Для цитирования: Черемисинова Л. И. «Вышею пылали вы любовью...»: о христианской семантике стихотворения А. А. Фета «Севастопольское братское кладбище» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 170–186. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9662

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9662

**“Inflamed with Higher Love...”:
About the Christian Semantics of the Poem
by A. A. Fet *Sevastopol Bed of Honor***

Larisa I. Cheremisinova

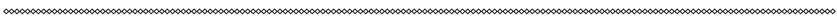
*Saratov State University
(Saratov, Russian Federation)*

e-mail: larisa.cheremisinova@mail.ru

Abstract. The article provides an analysis of the poem by A. A. Fet *Sevastopol Bed of Honor* and considers the historical, literary and biographical context of this work. The creation of the poem is connected with Fet’s trip to the Crimea in September 1879 and his visit to the Sevastopol Bed of Honor. Crimean impressions were first conveyed in Fet’s prose (in the article *Famusov and Molchalin. Something About Our Nobility* (1885)). During the work on the book of memoirs *My Memories* (1887–1889), the poet’s Crimean impressions were “revived” and found a poetic manifestation in the poem *Sevastopol Bed of Honor*, dated June 10, 1887. They were initially published as a part of the third issue of *Evening Lights*. This poem holds a special place in Fet’s lyrics due to its great civic pathos, patriotic ideas, the expression of the Gospel sermon about love and the all-conquering belief that there are no dead for God. An ideal image of the defender of the fatherland is created and the feat of Russian weapons is glorified in Fet’s lyric work. The death motif is the central one *Sevastopol Bed of Honor*. However, in this work death is nothing like non-being or insignificance (as in the poems *Insignificance, To death, Never*), but, rather, life in eternity. The features of the poem’s rhythmic structure are analyzed. The most important verse in terms of meaning is emphasized by rhythmic and syntactic means. It is directly related to the Christian understanding of higher love, which is manifested in the willingness to give one’s own life for friends.

Keywords: Fet, lyric poem, “Sevastopol Bed of Honor,” Crimean war, impression, memory, motif, death, patriotism, “higher love”

For citation: Cheremisinova L. I. “Inflamed with Higher Love...”: About the Christian Semantics of the Poem by A. A. Fet “Sevastopol Bed of Honor”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 170–186. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9662 (In Russ.)



Стихотворение «Севастопольское братское кладбище» занимает особое место среди лирических произведений Фета. Оно посвящено историческому событию — обороне Севастополя в Крымскую войну 1853–1856 гг., точнее — военному некрополю — Севастопольскому братскому кладбищу, ставшему всероссийской усыпальницей героических защитников города. Высокий гражданский пафос, патриотическое звучание и, как это ни парадоксально, отсутствие трагизма отличают это произведение. Оно проникнуто всепобеждающей верой: у Бога нет мертвых.

Стихотворение датировано 4 июня 1887 г. и напечатано в третьем выпуске «Вечерних огней» под номером 4¹. По справедливому замечанию В. А. Кошелева, датировка у Фета не является основой для компоновки текстов внутри поэтического сборника: «Дата, воспринятая в контексте содержания стихотворения, становится часто знаком „отделенности” этого содержания от формальной биографии» [Кошелев: 287]. Так было и в случае со стихотворением «Севастопольское братское кладбище».

Создание этого произведения исследователи справедливо связывают с путешествием Фета в Крым в сентябре 1879 г. и с посещением Севастопольского братского кладбища². Действительно, с 25 сентября по 8 октября 1879 г. Фет с женой Марьей Петровной и управляющим А. И. Иостом совершили поездку в Крым³. Они планировали побывать в Бахчисарае (там жил приятель Фета по кирасирскому Орденскому полку К. Ф. Ревелиотти), в Севастополе (где намечена была встреча с другим полковым приятелем, «орденцем» — А. А. Кази), в Ялте и ее окрестностях. Затем путешественники намеревались пересечь море и посетить Одессу, а оттуда через Киев вернуться домой. По погодным условиям поездка в Одессу не состоялась⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что стихотворение, передающее впечатления от посещения Братского кладбища в Севастополе, появилось лишь через восемь лет. Видимо, Фету потребовалось время для осмысления пережитого и некоторого «отстранения» от него. Однако впечатления были столь сильны, что навсегда остались в памяти: поэт обращался к ним неоднократно в своем прозаическом творчестве.

Так, в статье «Фамусов и Молчалин. Кое-что о нашем дворянстве» (1885), рассуждая об исторической роли русского дворянина, Фет писал: «Мы не знаем более трогательного памятника воинской чести, чем Севастопольское кладбище. Историческим судьбам угодно было в назидание потомкам собрать там могилы русских офицеров от восемнадцати- до восьмидесятилетнего возраста. Все они так же безропотно и безмолвно пали на своих постах, как и теперь безмолвно проповедают о долге, чести и верности. Но Севастопольское кладбище есть только видимый памятник нашей воинской чести. Немного надо воображения и исторических сведений, чтобы представить себе всю массу белой кости, раскиданной “от финских хладных скал до пламенной Колхиды...”» (Фет, 2013: 304). Таким образом, Фет, подчеркивая самоотверженную деятельность военно-служилого сословия дворян, благодаря которой происходило становление российской государственности [Черемисинов: 159], возвращается к воспоминаниям о посещении военного некрополя в Севастополе в сентябре 1879 г.

Насыщенные, очень разнообразные крымские впечатления наполняли переписку Фета и общение с друзьями⁵. Однако в этом калейдоскопе воспоминаний не заходила речь о посещении Братского кладбища в Севастополе, которое было особо значимым для Фета событием. Во-первых, потому, что сам он был участником Крымской кампании. Современный биограф Фета М. С. Макеев пишет: «Для России войну прекратила Парижская конференция, завершившаяся 18 марта 1856 г. подписанием мирного договора: для Фета же война, по сути, так и не началась. Он навсегда остался военным, никогда не нюхавшим порошу, знавшим службу только как маневры и фронт» [Макеев: 170–171]. Высказанное суждение представляется излишне категоричным. Хотя лейб-гвардии уланский Его Высочества полк, в котором служил Фет в период Крымской войны, не участвовал в боевых действиях на полуострове, он был передислоцирован в Прибалтику для отражения возможного неприятельского десанта (английского военного флота, приблизившегося к границам России), а значит, выполнял боевую задачу.

В «Указе об увольнении в отставку А. А. Фета...», датированном 28 февраля 1858 г., есть выписка из формулярного списка за 1846–1858 гг., в которой говорится, что он «по случаю войны с Англией, Францией и Турцией находился в составе войск, охранявших берега Эстляндии в 1854 году с 8 марта по 7 октября и в 1855 году с 16 апреля по 15 ноября, ранен и в плену не был, особых поручений не имел, в 1852 году 27 декабря за отлично усердную и ревностную службу Всемилоостивейше награжден Орденом Св. Анны 3 степени, 19 февраля 1955 года приказом по гвардейским и гренадерскому корпусам объявлено Высочайшее благоволение при вступлении на престол Государя Императора Александра Николаевича, в числе прочих бывших подчиненных Его Величества», «имеет бронзовую медаль в память войны 1853–1856 годов»⁶. Известно, что бронзовая медаль, учрежденная в ознаменование завершения Крымской баталии и в честь коронации Александра II, была массовой наградой, вручавшейся участникам Крымской войны и труженикам тыла. Фет был ревностным служителем царю и Отечеству, и поставленную перед его полком боевую задачу в период Крымской войны наверняка выполнял ответственно. «Для него, воспитанного в духе дворянских привилегий, среди которых главным было служение Отечеству, и военная, и гражданская служба были равнозначно полезными. <...> Несмотря на все тяготы, связанные с военной службой, Фет пропел в своих воспоминаниях настоящий гимн армии⁷ и поддерживал отношения с однополчанами до конца дней. А привычка к дисциплине осталась в нем навсегда» [Генералова: 9].

Во-вторых, посещение Братского кладбища было знаковым событием, так как на оборонительных рубежах города во время Крымской войны сражался друг Фета — Л. Н. Толстой, автор «Севастопольских рассказов». Не без влияния этого произведения Фет впоследствии начал писать свои неоконченные прозаические «Военные записки», обсуждая их с Толстым⁸. Воспоминания о Братском кладбище, хоть и не вошедшие в переписку, могли быть предметом их бесед при встречах.

Отсылка к Толстому содержится в развернутом описании впечатлений от Крымской поездки, которое вошло во второй

том «Моих воспоминаний» (1889): «Нигде и никогда не испытывал я того подъема духа, который так мощно овладел мною на Братском кладбище. Это тот самый геройский дух, отрешенный от всяких личных стремлений, который носится над полем битвы и один способен стать предметом героической песни. Кто со смыслом читал “Илиаду”, начало “Классической Вальпургиевой ночи” во второй части “Фауста”, или “Севастопольские рассказы” гр. Л. Толстого, — поймет, о чем я говорю». И далее: «...на каком бы умственном уровне ни стояли мы в настоящее время, — вековечный пример защитников Севастополя, почивших на братском кладбище, никогда для нас не пропадет, и Россия не перестанет рождать сынов, готовых умереть за общую мать» (Фет, 1890: 378–379).

«Тот самый геройский дух» в мемуарах поэта перекликается с рассказом Толстого «Севастополь в декабре месяце»: «Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, — это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа, — и эту невозможность видели вы <...> в глазах, речах, приемах, в том, что называется *духом защитников Севастополя* (здесь и далее курсив мой. — Л. Ч.) <...> Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя <...>, когда этот герой, достойный древней Греции, — Корнилов, объезжая войска, говорил: “Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя”, — и наши русские, неспособные к фразерству, отвечали: “Умрем! Ура!” — только теперь рассказы про эти времена перестали быть для нас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом. Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжелые времена не упали, а *возвышались духом* и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за Родину. Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...» (Толстой, 1987: 18–19).

Мысли и чувства, выраженные Фетом в мемуарах, в стихотворении «Севастопольское братское кладбище» обрели поэтическое воплощение. Возможно, работа над воспоминаниями⁹ оживила впечатления Фета от поездки в Крым и вдохновила

его на создание стихотворения, впервые опубликованного в составе третьего выпуска «Вечерних огней»¹⁰.

«Последние лирические сборники Фета, — справедливо отмечают В. А. Кошелев и Г. В. Петрова в статье «О поэтических сборниках Фета «Вечерние огни», — выделяются сквозным мотивом воспоминания <...>, только теперь не тема скрепляет лирическое пространство, а пафос, проникающий основной корпус стихотворений» [Кошелев, Петрова: 283]. Третий выпуск «Вечерних огней» содержит несколько стихотворных некрологов («поминок», по определению В. А. Кошелева) — произведений, посвященных памяти почивших Н. Я. Данилевского, В. П. Боткина, Ал. В. Дружинина и др. Именно «в последних лирических сборниках возникает потребность провести в качестве сквозного мотив памяти» [Кошелев: 288]. Это закономерно для поэта, ориентированного на подведение «лирических итогов», предчувствовавшего близкий «уход».

Воспоминание о поездке в Крым лежит в основе стихотворения «Севастопольское братское кладбище». Однако ретроспекция не становится структурообразующим элементом лирического сюжета, что было свойственно фетовской прозе. Лирика Фета (за редким исключением) принципиально анарративна¹¹. Для нее важно переживание, в данном случае — точное выражение крымских впечатлений. 18 июня 1887 г. (через две недели после написания стихотворения), посылая его великому князю Константину Романову, Фет писал: «Прилагаю при сем недавнюю мою попытку уловить впечатление, произведенное на меня Севастопольским братским кладбищем. Буду очень счастлив, если это стихотворение хотя отчасти воспроизведет мое впечатление» [*ЛН*, 2011: 626]². Таким образом, само событие крымского путешествия и посещения военного некрополя в Севастополе имеет ценностный смысл, но не приобретает сюжетно-фабульного развертывания в тексте стихотворения.

Третий выпуск «Вечерних огней» был снабжен авторским предисловием, в котором выражалось эстетическое кредо Фета, в частности, мысль о том, что поэзия является убежищем от «всяческих житейских скорбей, в том числе и гражданских» и что она призвана «пробивать будничные льды, чтобы хотя

на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом» (Фет, 2014: 195, 193). Стихотворение «Севастопольское братское кладбище» не противоречит этому кредо. В нем воспеваются не «скорбь» и не «жизненные тяготы» воинов. В нем создается идеальный облик защитника Отечества, прославляется подвиг русского оружия. Торжественный, возвышенный слог, создаваемый, в том числе, использованием религиозной лексики, соответствует предмету изображения.

*«Рукою набожной сложила здесь отчина
Священный прах своих сынов;
Но лишь молитвенно молчат...
...завидовать грешно».*

Центральный мотив стихотворения — мотив смерти. С ним связан определенный набор образов: «кладбище», «тризна», «каменные гробы», «прах», «молчание». Однако смерть в данном стихотворении вовсе не небытие, не ничтожество, как в известных лирических произведениях Фета: «Смерти» (1884), «Никогда» (1879), «Ничтожество» (1880). Смерть становится жизнью в вечности. И об этом — буквально в каждом стихе: почившие «дышат», «слышат», «молитвенно молчат», говорят: «их голос вечно слышен», «им внуков поучать навеки суждено». Они — живые, их «прах» — «священный» (а значит, его не тронет тление). В стихотворении доминирует настоящее время.

Лирический герой боится «возмутить» покой почивших на этом кладбище:

*«Они и под землей отвагой прежней дышат...
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнится, все они шаги живого слышат,
Но лишь молитвенно молчат».*

Лирический зачин состоит из двух восклицательных предложений:

*«Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!»*

Зачин погружает читателя в эмоциональные переживания героя и задает тональность лирико-философских размышлений. Жизнь и смерть, мир и война нераздельны. Первая

строка акцентирована с помощью лексического повтора местоимений «какой», «какая», начинающих риторические восклицания. В ней содержатся два ключевых образа: «мир» и «славы тризна». «Мир» в данном контексте имеет несколько значений: отсутствие войны, согласие; тишина и спокойствие. [Дьяченко: 306, 308]. Лирический герой оказывается в пространстве, удаленном от земного, суетного, бездуховного «мира» и приближенном к вечному.

«Славы тризна» — это не грустный поминальный обед. В данном сочетании воскресают древние значения слова «тризна», зафиксированные в церковнославянском языке: поприще, подвиг, страдание; состязание, бой, награда [Дьяченко: 732]. В словацком языке «тризнити» означает вести беседу, речь¹³. У Фета объединены все эти значения в одном образе: «славы тризна» — это торжество в честь подвига почивших, это слово о подвиге, возвышающее душу воспоминание о нем, которым дышит здесь все.

Неслучайно в фетовском стихотворении возникают образы, овеянные традиционной поэтической семантикой, — кипарисы и мирты.

В книге С. Пономарева «Всероссийская усыпальница» (1869), посвященной описанию Братского кладбища в Севастополе, говорится о том, что в конце 1860-х оно представляло собой грустное зрелище: ни зелени посаженных деревьев, ни цветов там не было. Одни заросли полыни и большие плиты из белого камня, под которыми были братские могилы. Каменистая почва не очень-то способствовала озеленению некрополя [Пономарев: 31]. Вряд ли ко времени приезда Фета картина существенно изменилась. Но такие реалии не соответствовали поэтической концепции стихотворения, поэтому появились «кипарисы» и «мирты». Мирт символизировал вечную любовь, счастливый брак, а также мир и победу. Иногда из него плели венки победителям. Семантика кипариса связана со смертью, скорбью, погребением и кладбищем [Шарафадина: 194, 106], в христианской культуре — с вечной жизнью. В строке «среди кипарисов, мирт и каменных гробов» соединялись вечная жизнь и вечная любовь, победа и смерть.

Лирическая композиция разворачивается от эмоционально окрашенного зачина к рефлексии, направленной на осмысление значимости подвига защитников Севастополя, и от нее — к почти декларативному аккорду:

«Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
Что им завидовать грешно...»

«Молитвенное молчание» погибших сменяется в финале «громкой», хотя и «безмолвной» проповедью о долге, чести и верности» (Фет, 2013: 304), обращенной к потомкам и возвышающей дух. Подвиг защитников Севастополя, по разумению Фета, поднимает их на недостижимую высоту, на которой теряют значимость обычные земные чувства. «Не заноси же в мир святыни / Своих невольничьих тревог», — писал поэт в стихотворении «Добро и зло» (1884).

Финальная строка «Севастопольского братского кладбища» и конечное многоточие напоминают о коренных свойствах фетовской поэзии — суггестивности, логико-смысловой размытости, о «выражении настроений, которые не могут быть описаны, а могут быть только вызваны в читателе неопределимой словом, но говорящей чувству эмоциональной окраской предметов, мелодической организацией интонаций, выдвижением всех иррациональных (“музыкальных”) элементов речи» [Бухштаб, 2000: 157]. Прозвучавшее в сильной, итоговой позиции текста выражение «завидовать грешно» оказывается довольно неожиданным; это не просто констатация христианской истины о том, что зависть сама по себе греховная страсть, но признание святости героев, погибших при обороне Севастополя. Святым, как известно, не завидуют — им стараются подражать.

Стихотворение имеет выразительное ритмическое строение: в нем выделен последний стих каждого четверостишия, который оказывается короче трех предыдущих. А самый важный в смысловом отношении стих акцентирован ритмическими и синтаксическими средствами: «Счастливыцы! Вышею пылали вы любовью». Убиенные на поле брани, с точки зрения

автора, — «счастливицы»: они являются носителями «высшей любви», ибо способны были отдать жизнь свою за ближнего и тем заслужили вечную жизнь.

В письме к К. Р. От 27 декабря 1886 г., говоря об особой трудности написания стихотворений «на известные случаи», Фет пояснял свою мысль: «...нужна необычайная сила, чтобы из тесноты случайности вынырнуть с жемчужиной общего, вековечного» [ЛН, 2011: 596].

Стихотворение, призванное передать *впечатление* от посещения Севастопольского кладбища, превратилось в лирико-философское размышление о смысле жизни, смерти и бессмертия, о вечности, святости и о проявлении высшей в мире любви — той, о которой сказано в Евангелии от Иоанна: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13).

«Севастопольское братское кладбище» находится в одном ряду с произведениями Фета религиозной направленности: «Когда Божественный бежал людских речей...» (в его основе лежит евангельский сюжет об искушении Христа в пустыне), «Всеобщий наш Отец, который в небесах...» (стихотворное переложение молитвы «Отче наш»), «Не тем, Господь, могуч, непостижим...», «1 марта 1881 года (День искупительного чуда...», «Оброчник» и др. Эти стихотворения подвергают сомнению до сих пор распространенное в литературоведении представление о Фете как о поэте-язычнике, человеке, далеком от религиозного мирозерцания¹⁴. «Не следует, видимо, стремиться, — писала Л. Роземблум, — к какому-то четкому, окончательному определению религиозного мировоззрения Фета, опровергая безосновательную характеристику его как атеиста. В действительности все было значительно сложнее. <...> Фет был человеком своего века со своим “мятущимся сознанием”, в счастливые творческие минуты ощущавший силу “небесного притяжения” (“И верю сердцем...”)» [Роземблум: 41].

По справедливому замечанию Р. Р. Измайлова, «творчество подлинного поэта так или иначе проникнуто богословской интенцией» [Измайлов: 94]. Рассмотрение произведения искусства в совокупности его духовно-эстетической сущности и «затекстовых» реалий (биографических, эпистолярных,

мемуарных, историко-литературных и т. д.) показывает объективную картину развития русской литературы, позволяет понять мирозерцание писателя и адекватно воспринимать его творения.

Источники

Толстой, 1978 — Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. / сост., вступ. ст. и примеч. С. А. Розановой. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит, 1978. Т. 2. 479 с.

Толстой, 1987 — Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 2. 528 с.

Фет, 1890 — Фет А. А. Мои воспоминания: в 2 ч. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1890. Ч. 2. 408 с.

Фет, 1893 — Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1893. 554 с.

Фет, 2013 — Фет А. А. Фамусов и Молчалин. Кое-что о нашем дворянстве // Фет А. А. Наши корни: Публицистика / подгот. текстов и сост. Г. Д. Аслановой; коммент. Г. Д. Аслановой и В. И. Щербакова. СПб.: Росток; М.: Посев, 2013. С. 303–314.

Фет, 2014 — Фет А. А. Соч. и письма: в 20 т. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. Т. 5: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1. 696 с.

Фет-Шенишин — Фет-Шеншин А. А. Биографические документы // ОР РГБ. Ф. 315. К. 14. Ед. хр. 22.

Примечания

- ¹ Текст стихотворения «Севастопольское братское кладбище» цитируется по изданию: (*Фет, 2014*: 200). Третий выпуск «Вечерних огней» вышел в свет в 1888 г. Объявление о выходе опубликовано в «Московских ведомостях» (1888. 17 янв. № 17. С. 1).
- ² См.: [Бухштаб, 1986: 640], [Соколова, Грамолина: 710], [Кошелев, Петрова: 610].
- ³ В «Летописи жизни А. А. Фета» содержится краткое упоминание об этой поездке, относящееся к 1879 г.: «Сентябрь. Феты и Иост в Крыму, где навещают старых однополчан Фета Ревелиоти и Кази» [Блок: 176].
- ⁴ Имеются документальные источники о Крымской поездке Фета. В ОР РГБ сохранилась записная тетрадь, в которой поэт зафиксировал все передвижения по Крыму, связанные с ними финансовые расходы и даже сделал карандашный набросок очертаний крымских гор. Частично сохранилась переписка Фета с К. Ревелиоти и его семьей. Есть два письма от полкового сослуживца А. А. Кази.

- ⁵ Вернувшись в Воробьевку 8 октября 1879 г., Фет поделился крымскими впечатлениями с Л. Н. Толстым и Н. Н. Страховым. В письме Толстому от 9 октября 1879 г. Фет писал: «Я так рад, что после всех чудес природы и ханских дворцов вернулся в топленные комнаты и ем по-человечески, а не по гостиницам с горьким маслом и такую жесткую говядину, хоть топором руби <...> В Крыму встретил старых орденцов... Там люди 75 лет, раненные (бомбою в лоб без преувеличения), бегают, как белка, так что стало стыдно за себя, как за избалованного мальчишку» (*Толстой, 1978: 84*). «Крым — это рай земной, — писал Фет Страхову 10 октября 1879 г., — с громадными кипарисами, лимонами, не говоря о персиках — и даже с гранатами. — Но всюду следы русской апатии и беспомощности» [*ЛН, 2011: 291*]. Как видим, «чудеса природы», ханские дворцы (культурные достопримечательности), повсеместная бесхозяйственность и теплая встреча со старыми сослуживцами по кирасирскому полку — основные темы разнообразных впечатлений поэта о Крыме.
- ⁶ См.: (*Фет-Шенишин: л. 9 об. 9*).
- ⁷ Завершая в конце жизни свои воспоминания, Фет признавался: «...никакая школа жизни не может сравниться с военной службой, требующей одновременно строжайшей дисциплины, величайшей гибкости и твердости хорошего стального клинка в сношениях с равными и привычку к мгновенному достижению цели кратчайшим путем» (*Фет, 1893: 548*).
- ⁸ О «Военных записках» А. А. Фета см.: [Черемисинова, 2009: 111–123].
- ⁹ Работа над мемуарами началась в июне–июле 1887 г. Воспроизведенные в сознании фрагменты воспоминаний поэт стал включать в письма к своим корреспондентам, датированные июнем–июлем 1887 г. (в частности, в письма к великому князю К. Р. и к С. В. Энгельгардт). Первая глава фетовских мемуаров была опубликована в августовской номере «Русского вестника» за 1888 г. См. об этом: [Черемисинова, 2009: 298–304].
- ¹⁰ Авторизованный текст стихотворения содержится в письме А. А. Фета Константину Романову от 18 июня 1887 г., с датой «4 июня 1887» и подписью «А. Фет» (См.: Фет А. А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5. Кн. 1. С. 610; ЛН. Т. 103: в 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 626–627).
- ¹¹ О нарративных типах лирического высказывания см.: [Чевтаев]. Обращаясь к лирическому стихотворению Фета «Шепот, робкое дыханье...», представляющему «квинтэссенцию лирической суггестивности», исследователь делает вывод: «Итеративная реакция на внешнюю историю есть, но сама она как основа наррации отсутствует. Соответственно, подобное стихотворение вряд ли может быть отнесено к нарративной лирике» (см.: [Чевтаев]).
- ¹² К. Р. откликнулся на послание Фета записью в своем дневнике, сделанной 22 июня 1887 г.: «Получил милейшее письмо от Фета со стихотворением «Севастопольское братское кладбище»; чудесные стихи» (цит. по: ЛН. Т. 103. Кн. 2. С. 629).

- ¹³ В энциклопедическом словаре Брокгауза Ф. А. и Эфрона И. А. отмечается, что в древних памятниках церковнославянского языка «тризна» употребляется в смысле «битва, состязательное поприще, тризновати — сражаться, тризньник — сражающийся, борец, в рукописных беседах Иоанна Лествичника оно значит: подвиг, в новгородском словаре XV в. Т. переведено страдальство, подвиг <...> по-словацки тризнитися — веселиться, тризнити — вести речь, беседу» (Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/bro/kgga/4/4754.htm>) (01.02.2021).
- ¹⁴ Подробнее о спорах в литературоведении по поводу религиозности Фета и смысле христианской образности в произведениях поэта см.: [Шеншина: 1999a: 16–54], [Шеншина, 1999b: 54–69], [Шеншина, 2003], [Эгеберг: 250–254], [Черемисинова, 2014: 80–84].

Список литературы

1. Блок Г. П. Летопись жизни А. А. Фета / публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет. Традиции и проблемы изучения: межвуз. сб. науч. тр. Курск: Изд-во КГПИ, 1985. С. 129–182.
2. Бухштаб Б. Я. Примечания // Фет А. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост. и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 627–712. (Библиотека поэта. Большая серия.)
3. Бухштаб Б. Я. Фет и другие: избранные работы / сост., вступ. ст., подгот. текста М. Д. Эльзона при участии А. Е. Барзаха. СПб.: Акад. проект, 2000. 560 с.
4. Генералова Н. П. О жизненной философии Афанасия Фета // Русская словесность. 2020. № 2. С. 3–14.
5. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Отчий дом, 2009. 1120 с.
6. Измайлов Р. Поэзия и богословие: к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 93–97.
7. Кошелев В. А. Афанасий Фет: Преодоление мифов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. 336 с.
8. Кошелев В. А., Петрова Г. А. Комментарии / Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. М.; СПб.: Альянс–Архео, 2014. Т. 5: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1. С. 255–688.
9. [ЛН] А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. М.: ИМЛИ АН, 2011. Кн. 2. 1040 с. (Серия «Литературное наследство»; т. 103.)
10. Макеев М. С. Афанасий Фет. М.: Молодая гвардия, 2020. 443 с.
11. Пономарев С. Всероссийская усыпальница. Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1869. 32 с.

12. Розенблюм Л. А. Фет и эстетика «чистого искусства» // А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Кн. 1. С. 9–57. (Серия «Литературное наследство»; т. 103.)
13. Соколова М. А., Грамолина Н. Н. Примечания // Фет А. А. Вечерние огни / изд. подгот.: Д. Д. Благой, М. А. Соколова. 2-е изд. М.: Наука, 1979. С. 649–772.
14. Чевтаев А. А. Сюжетно-фабульная структура лирического нарратива // Narratorium. 2012. № 2 (4) [Электронный ресурс]. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628914> (06.02.2021).
15. Черемисинов Г. А. А. Фет о судьбе дворянского сословия России // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета: сб. науч. тр. Курск: КГПУ, 1996. С. 151–163.
16. Черемисинова Л. И. Проза А. А. Фета. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. 376 с.
17. Черемисинова Л. И. Религиозные образы в стихотворении А. А. Фета «Оброчник» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 80–84.
18. Шарафадина К. И. Литература в синтезе искусств: в 3 т. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2012. Т. 2: Флого-поэто-Logia. 526 с.
19. Шеншина В. А. А. Фет как метафизический поэт // А. А. Фет. Поэт и мыслитель: сб. науч. тр. М.: ИМЛИ РАН, Академия Финляндии, 1999. С. 16–54. (a)
20. Шеншина В. А. Молитва «Отче наш» в переложении А. А. Фета // А. А. Фет. Поэт и мыслитель: сб. науч. тр. М.: ИМЛИ РАН, Академия Финляндии, 1999. С. 54–69. (b)
21. Шеншина В. А. А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. М.: Добросвет, 2003. 256 с.
22. Эгеберг Э. Библейские мотивы в лирике А. А. Фета // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 250–254 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2498> (11.11.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2498

References

1. Blok G. P. The Chronicle of the Life of A. A. Fet. In: A. A. Fet. *Traditsii i problemy izucheniya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Fet A. A. Traditions and Problems of Study: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Kursk, Kursk State Pedagogical Institute Publ., 1985, pp. 129–182. (In Russ.)
2. Bukhshtab B. Ya. Notes. In: *Fet A. Stikhotvoreniya i poemy* [Fet A. Verses and Poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1986, pp. 627–712. (In Russ.)
3. Bukhshtab B. Ya. *Fet i drugie: izbrannye raboty* [Fet and the Others: Selected Works]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 560 p. (In Russ.)
4. Generalova N. P. On the Life Philosophy of Afanasy Fet. In: *Russkaya slovesnost'*, 2020, no. 2, pp. 3–14. (In Russ.)

5. D'yachenko G. *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow, Otchiy dom Publ., 2009. 1120 p. (In Russ.)
6. Izmaylov R. Poetry and Theology: to the Problem Statement. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], 2013, vol. 13, issue 3, pp. 93–97. (In Russ.)
7. Koshelev V. A. *Afanasiy Fet: Preodolenie mifov* [Afanasy Fet: Overcoming Myths]. Kursk, Kursk State University Publ., 2006. 336 p. (In Russ.)
8. Koshelev V. A., Petrova G. A. Comments. In: *Fet A. A. Sochineniya i pis'ma: v 20 tomakh* [Fet A. A. Writings and Letters: in 20 Vols]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans–Arkheo Publ., 2014, vol. 5: Evening Lights. Verses and Poems of 1864–1892, Not Included in the Collections, book 1, pp. 255–688. (In Russ.)
9. [LN] A. A. *Fet i ego literaturnoe okruzhenie: v 2 knigakh* [A. A. Fet and His Literary Environment: in 2 Books]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, book 2. 1040 p. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 103.) (In Russ.)
10. Makeev M. S. *Afanasy Fet*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2020. 443 p. (In Russ.)
11. Ponomarev S. *Vserossiyskaya usypal'nitsa* [All-Russian Tomb]. Kiev, Tipografiya Kievo-Pecherskoy Lavry Publ., 1869. 32 p. (In Russ.)
12. Rozenblyum L. A. Fet and the Aesthetics of “Pure Art”. In: *A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie: v 2 knigakh* [A. A. Fet and his Literary Environment: in 2 Books]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, book 1. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 103) (In Russ.)
13. Sokolova M. A., Gramolina N. N. Notes. In: *Fet A. A. Vechernie ogni* [Fet A. A. Evening Lights]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 649–772. (In Russ.)
14. Chevtaev A. A. Plot Structure of the Lyrical Narrative. In: *Narratorium*, 2012, no. 2 (4). Available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628914> (accessed on February 06, 2021). (In Russ.)
15. Cheremisinov G. A. A. Fet on the Fate of the Noble Estate of Russia. In: *175 let so dnya rozhdeniya Afanasiya Afanas'evicha Feta: sbornik nauchnykh trudov* [175 Years from the Birth of Afanasy Afanasyevich Fet: Collection of Scientific Papers]. Kursk, Kursk State Pedagogical University Publ., 1996, pp. 151–163. (In Russ.)
16. Cheremisinova L. I. *Proza A. A. Feta* [Prose by A. A. Fet]. Saratov, Saratov State University Publ., 2008. 376 p. (In Russ.)
17. Cheremisinova L. I. Religious Images in the Poem by A. A. Fet “Obrochnik”. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], 2014, vol. 14, issue 3, pp. 80–84. (In Russ.)
18. Sharafadina K. I. *Literatura v sinteze iskusstv: v 3 tomakh* [Literature in the Synthesis of Arts: in 3 Vols]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2012, vol. 2: Floro-портo-Logia. 526 p. (In Russ.)

19. Shenshina V. A. A. Fet as a Metaphysical Poet. In: A. A. Fet. *Poet i myslitel': sbornik nauchnykh trudov* [A. A. Fet. *Poet and Thinker: Collection of Scientific Papers*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Akademiya Finlyandii Publ., 1999, pp. 16–54. (In Russ.) (a)
20. Shenshina V. A. Prayer “Our Father” Arranged by A. A. Fet. In: A. A. Fet. *Poet i myslitel': sbornik nauchnykh trudov* [A. A. Fet. *Poet and Thinker: Collection of Scientific Papers*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Akademiya Finlyandii Publ., 1999, pp. 54–69. (In Russ.) (b)
21. Shenshina V. A. A. A. Fet-Shenshin. *Poeticheskoe mirosozertsanie* [A. A. Fet-Shenshin. *Poetic Worldview*]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2003. 256 p. (In Russ.)
22. Egeberg E. Biblical Motifs in Afanasy Fet’s Lyric Poetry. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 250–254. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2498> (accessed on November 11, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2498 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Черемисинова Лариса Ивановна, **Larisa I. Cheremisinova**, PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Primary Language and Literary Education, Saratov State University (ul. Astrakhanskaya 83, Saratov, 410012, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7727-8973>; e-mail: larisa.cheremisinova@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.02.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.05.2021

Принята к публикации / Accepted 15.06.2021

Дата публикации / Date of publication 30.09.2021